

УДК 81'42
doi 10.17072/2073-6681-2025-4-91-99
<https://elibrary.ru/mqvebp>

EDN MQVEBP

Языковые средства оформления текстов-воспоминаний о детстве (на материале устных рассказов коми-пермяков)

*Исследование выполнено в рамках реализации гранта РНФ 24-18-20015
«Коми-пермяки в языковом и этнокультурном пространстве Прикамья»*

Свалова Екатерина Николаевна

к. филол. н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН
614000, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, д. 13А. svalova87@mail.ru

SPIN-код: 6094-4184

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Статья поступила в редакцию 25.03.2025

Одобрена после рецензирования 22.04.2025

Принята к публикации 12.08.2025

Информация для цитирования

Свалова Е. Н. Языковые средства оформления текстов-воспоминаний о детстве (на материале устных рассказов коми-пермяков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 4. С. 91–99. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-91-99. EDN MQVEBP

Аннотация. В статье рассматриваются способы представления темы детских игр в текстах воспоминаниях коми-пермяков. Показывается, как в качестве лингвистических маркеров таких рассказов информанты используют традиционные для жанра средства (авторизацию, установку на достоверность сказанного, противопоставление временных пластов, визуализацию). Игровая деятельность является доминирующей в детском возрасте, формирует личность, поэтому тексты-воспоминания о ней отличаются развернутостью, семантической глубиной, особой экспрессивно-стилистической оформленностью, смысловой и психологической нагруженностью слов и конструкций. Такие тексты не просто содержат яркие картинки из прошлого – в них отражается эмоциональное погружение рассказчика в свой внутренний мир. Описывается набор средств, направленных на выражение чувств и на побуждение собеседника к эмпатии (повторы, риторические вопросы, контактные слова, эмфатические выделения фрагментов высказывания, образные средства, фразеология). Воспоминания об играх в детстве раскрывают особый чувственный мир детей, знакомят нас с тем, как через игру постепенно и ребенок включается в мир взрослых. Стремление рассказчика передать в деталях давно прожитые острые ощущения проявляется в активном привлечении форм глаголов настоящего времени, создающих эффект присутствия, в использовании восклицательных предложений, междометий, звукоизобразительных слов. Воспоминания о детстве коми-пермяков отличает выраженное разными способами качество: они неразрывно связаны с восприятием природы, ее энергии. Так отражается одна из основных мировоззренческих особенностей коми народа – принцип природной сообразности, естественности (именно в общении с природой они наивны и максимально открытвенны). Особое отношение к природе, натуральность эмоций и поведения являются важными элементами национального коми характера, ярко раскрывающегося в воспоминаниях о детстве.

Ключевые слова: жанр «воспоминание»; лингвистические маркеры жанра; смысловая доминанта; средства визуализации.

Введение

Жанр «воспоминание» активно изучается специалистами в разных аспектах (в том числе на материале живой разговорной речи). Так, Я. В. Мызникова изучила коммуникативные особенности жанра в диалектной сфере и отметила, что он «представляет собой вербализацию прошлого опыта, является важнейшим компонентом диалектного речевого общения, средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом и социальном отношении информации» [Мызникова 2014: 67]. С. В. Волошина рассмотрела воспоминания о родителях [Волошина 2020] и в соавторстве с Т. А. Демешкиной – воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографических рассказов сибиряков (авторы делают вывод о том, что «воспоминания о бабушках и дедушках – один из элементов речевого жанра автобиографического рассказа, выполняющий различные функции: самопрезентации, самоидентификации, дидактическую» [Волошина, Демешкина 2021: 19]). О. П. Кормазина, анализируя тексты воспоминаний в функциональном аспекте, представляет набор традиционно выделяемых жанрообразующих признаков: 1) особый метакомпонент («имя жанра») – в первую очередь глаголы *помнить*, *вспоминать*, *запомниться*; 2) различные средства репрезентации прошлого; 3) средства пространственной локализации воспроизводимых событий; 4) противопоставление двух временных планов – прошлого и настоящего; 5) позиционирование рассказчиком себя как части определенного коллектива (использование форм множественного числа глаголов, а также личного местоимения «мы») [Кормазина 2016]. Исследуются функции отдельных жанрообразующих форм. Я. В. Мызникова отмечает, что «маркером переключения к временному пласту “раньше, прежде” является лексикализованная глагольная форма *бывало*, вводящая сообщение о многократном действии или состоянии в прошлом» [Мызникова 2014: 68].

Для анализа в нашей статье были привлечены тексты, зафиксированные в ходе непринужденных бесед с носителями коми-пермяцкого языка, лейтмотивом которых можно обозначить вопрос «Что из своего детства ты запомнил(а) лучше всего?». Исследовался набор жанрообразующих средств в рассказах о играх и забавах – как на русском (3 текста), так и на коми-пермяцком (21 текст) языке¹. Была предпринята попытка дать общую характеристику жанра воспоминаний о детстве у коми-пермяков (годы рождения информантов – 1955, 1958–1959, 1960, 1971, 1983) и проанализировать языковые способы оформления воспоминаний о детских играх и

забавах. По замечанию А. Черной, «соприкасаясь с явлениями и предметами природы, играя, мифологизируя и практически используя природу, человек как существо историческое и онтологическое приближается к постижению ее сущности» [Черная 2011: 133]. При описании материала мы исходили из известного положения о том, что жанр есть способ отражения действительности и связан с особенностями национального мировосприятия.

Общая характеристика жанра воспоминаний

Остановимся на характеристике некоторых устойчивых элементов жанра воспоминания в коми-пермяцком общении. Для описываемого жанра особое значение имеет маркер переключения на прошлое. В анализируемом материале частотен глагол *помнита* ‘помню’, фиксируемый обычно в начале рассказа (*‘помнита’*): *Ачымӧс ме помнита, кыдз яслиын ме олӧ ‘Себя я помню, как я в яслях жила’* (ПМ: с. Кочёво Пермского края). Глаголы памяти могут использоваться также в форме «русского» инфинитива, оформляя экспрессивное высказывание: *Этӧ вспомнить вот зимасӧ! Гортӧ пыран, вӧвлӧс этшиӧм шаровары, чӧвтан, и нӧя мян сулависӧ! ‘Это вспомнить вот зиму! Домой зайдѣшь, были такие шаровары, снимешь, и они у нас бывало, стояли!’* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района).

Отсутствие в глагольной форме конкретизирующих указаний (на лицо, число, время) выдвигает на первый план в чистом виде саму идею памяти. Средством перевода в прошлое также могут быть лексемы, реализующие оппозицию прошлое/настоящее, тогда/сейчас – обычно с позитивной оценкой прошлого: *Вот сяс этшиӧм лыммес абу, а мян вот эта йӧрыс вӧлӧ вровень лымӧн, даже йӧрыс эз и тӧдчывлӧ ‘Вот сейчас таких снегов нет, а у нас вот это забор был вровень со снегом <...>’* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Т. В. Самойленко и Н. В. Лагута замечают, что в речи диалектной языковой личности «повествование может сопровождаться выражением оценки в адрес предмета речи, часто сквозь призму антиномии “раньше – сейчас”, “хорошо – плохо”, либо представлением о нравственно-этических нормах» [Самойленко, Лагута 2011].

Жанр воспоминаний отличается еще некоторым рядом особенностей. Разными языковыми средствами в текстах выражается указание на рассказчика (*ме* ‘я’, *меням* ‘мой’, глаголы 1-го лица *помнита* ‘помню’), с их помощью (как и с помощью глаголов в реальных наклонениях) репрезентируется установка на достоверность.

Требованиям жанра соответствует активное использование визуально-образных форм. К ним относятся прежде всего фразеологизмы: *Көр вöлись совсем пондам кынмыны да оча пинь вартны, вöлись жабñникöн иньдöтчам горттэзö 'Когда совсем уже начнём мёрзнуть и зуб об зуб стучать, только тогда тихонько отправляемся по домам); гөрбам пуктис мамö (в горб мама добавила) – 'мама наказала, побив').* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Визуализация (представление в сознании так, как если бы это было в действительности) создается использованием слуховых образов – звукоизобразительных сочетаний: *шуля-боля только шорас пырамö 'шуля-боля только в воду заедем'* (ПМ: д. Чинагорт Юсьвинского района); *Вöвльвлі сідз, что ежели кинлөнкö кузь юрсиа кукла вöлі, решитамö мийö сылö керны виль причёска, куклаыслісь швыч-швач юрсисö орöтамö 'Бывало так, что если у кого-то кукла длинноволосая была, решим мы ей сделать новую причёску, у куклы швыч-швач волосы отрежем'* (ПМ: д. Чинагорт Юсьвинского района).

Желание рассказчика оживить воспоминания, визуализировать их, восстановить в памяти образы и детали прошлого проявляется в самом построении повествования. В одном из рассказов говорящий вспоминает о школьной поделке, которую сделал папа: *Папö, помнита, что первой классын тиöктисö подделка керны. Сія меным мыйкö домашней животной, и сія меным вöл керліс. Сія настоящей вöл пластилинись. Ме вот первой, третьей класс велöтчи, сія сё на выставке сулаліс. Менам эта подделкаыс папöлөн... Вот сейчас сё син одзын... 'Мой папа, помню, что в первом классе попросили поделку сделать. Он мне что-то домашнее животное, и он мне лошадь сделал. Он настоящую лошадь из пластилина. Я вот в первом, третьем классе училась, она всё на выставке стояла. Моя эта поделка моего папы ... Вот сейчас всё перед глазами'* (ПМ: д. Уржа Кочёвского района). Рассказ передает процесс погружения в воспоминания: сначала приближение к ним – описание через неопределенное местоимение (он мне что-то...) и тройственная вырисовывающая образ конструкция *Он мне что-то, / домашнее животное, / и он мне лошадь сделал*. Следующее предложение – своеобразное приближение к финалу, содержащее в основе своей противопоставление (Она настоящая лошадь была из пластилина), которое усиливает эффект достоверности сказанного. Сама фраза о настоящей лошади – не оценка из настоящего, а голос удивленного и восхищенного ребенка. Завершает фрагмент вывод *Менам эта подделкаыс папöлөн... 'Моя эта поделка моего папы'*. Вероятно, устойчивый в

традиционной культуре образ лошади (коня), известного у коми народов солярного символа, и в данном контексте получает символическое воплощение: «Фигуры коня и коровы в народной культуре коми-пермяков присутствовали в качестве игрушек в детской игровой среде, в традициях святочного народного театра» [Голева 2009: 210].

В приведенном выше тексте о лошадке, как и во многих других, отражена важная черта мировосприятия коми-пермяков – особая связь с миром природы: «Фольклор и накопленные знания показывают, что природный мир осознавался коми-пермяками как источник хозяйства, продуктов питания и как эстетическая ценность» [Чагин 1995]. Наглядно восторг деревенского ребенка от общения с природой передает текст о зимних забавах: *Тöлөн, конечно, этö миян вöлісö крепосттез лымись. Öддöн керöс миян вöлі öтік вылын, эта керöс увтас миян вöлісö крепосттез, а керöс вывсынь мийö кыдз верним ысла-симö: ванназöн, нуовöй даддөзöн, клеонказöн, кин мыйöн адззис 'Зимой, конечно, это у нас были крепости из снега. Очень гора у нас высокая одна была, под этой горой были крепости наши, а с горы мы как могли катались: в ваннах, на деревянных санках, на клеёнках, кто на чём нашёл'* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Во фрагменте повторами (*у нас крепости, гора у нас, крепости наши*) представлена радость детей от обладания «богатствами» зимы, их погруженность в стихию природы. Уточнение фразы как могли катались – *в ваннах, на деревянных санках, на клеёнках* подчеркивает главную ценность катания – ощущение скорости, свободы, полета.

Воспоминания отражают еще одну характерную культурную черту коми-пермяков – их тесную связь с родом, родителями. В воспоминаниях многочисленны рассказы об отце и матери, о своем положении в семье: *Семья менам, талуння кылөн шунытö, многодетной вöлі. Ме вöлі семьяын витöт кагаён, а эшö, комиён шунытö, курмыш-кармыш, то есть, поздний ребёнок 'Моя семья, современным языком сказать-то, многодетной была. Я была в семье пятым ребёнком, а ещё, по коми сказать-то, курмыш-кармыш, то есть, поздний ребёнок'* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Контекст строится на контрасте: называя себя пятым ребенком, рассказчик, возможно, опирается на народный символический смысл числа пять, известный знак ненужности, исключенности (этот смысл очевиден в выражении *пятое колесо в возу / в телеге*, см.: в Большом словаре русских поговорок с пометами «разг. ирон. или неодобр.» в значениях: 1. О малозначительном, лишнем, ненужном в

каком-л. деле человеку и 2. О мешающем кому-л. человеку (БСРП 2007). В русских говорах Прикамья ребенок пяти лет получает специфическое шутовское обозначение – *Пятый – по ж..не лопатой* (*Маленькие мы как говорили: «Пятый – по ж..не лопатой. Это поговорка такая. Нам по пятому году было, я запомнила.* Лидино Окт.) (СРГЮП 2, 2012: 501). Ироническая самооценка рассказчика указывает на то, что ребенок осознает свое положение не вполне полноценного члена семьи («курмыша»). Экспрессивность слова иллюстрирует пояснение к слову *курмыш* в следующем контексте: *«Если буквально перевести на русский язык – это уже все остатки собранные. Меня вот так и называла мама, потому что я последняя в семье и поздний ребенок»* (зап. с. Архангельское) (Юсьва – лебединая река 2015: 47). Изначально слово имело иной смысл; частое в топонимии тюркского происхождения, оно обозначало ‘отдаленный район, захолустье, небольшое селение’ (ср. в русских говорах ‘часть, одна сторона улицы’ (Даль)). Э. Мурзаев, ссылаясь на Е. Шилову и Н. Баскакова, указывает на происхождение слова от тюркского глагола (Мурзаев 1984: 319). Известна также версия о финно-угорской природе слова: Л. Трубе выводил происхождение слова «курмыш» от мордовского «курмозь» ‘горсть’ (Трубе 2001: 34–35)). По справедливому замечанию А. С. Лобановой, «курмыш-кармыш – это любой последний ребенок (хоть третий, хоть десятый)» [из личного общения].

Еще один текст фиксирует воспоминание из детства, где рассказчик от лица ребенка говорит о значении прочных связей с кровным, родным, несмотря на недостаток родительской любви, занятость родителей: *До седьмого класса я родителей не видела. Я просыпаюсь, они на работе. Мы спим, они всё ещё не дома. Так что только в первый класс пошла. Вот утром разбудят, в школу идти, два километра пешком до школы. Мама будит. Вот, мамино лицо вижу с утра. Они целый день на работе, нас закроют на засов вот такой, деревянный, и мы сидим дома, чтобы никуда не убежать* (ПМ: с. Кочёво Пермского края). Метонимический образ маминного лица – это пронесенный через время, хранящий облик матери, с которой рассказчица находится в диалоге без слов.

Воспоминания о играх девочек

Ю. Н. Драчева и Т. Г. Комиссарова в описании «мира детства» по записям устной речи жителей Вологодского края отметили, что «физическое, интеллектуальное, социальное и культурное развитие ребенка в значительной мере формирует игровая деятельность» [Драчева, Комис-

сарова 2017: 256], в которой дети «имитируют жизнь и работу взрослых» [там же: 257]. В целом смысл игровой деятельности, в том числе в анализируемых нами контекстах, сводится к способам постижения мира – мира природы и мира человеческих и социальных отношений. Вспоминая себя ребенком, информанты осознают гендерную идентичность и потому охотно окунаются в родной и понятный мир детства, в котором маленький человек явно чувствует принадлежность к мужскому или женскому полу. С. А. Ганичева констатирует, что «в “женских” текстах репрезентируется более “камерный” мир, рамки которого в основном ограничиваются ближайшим социальным окружением: семьей, подругами, соседями, “мужские” тексты с точки зрения субъектной составляющей фреймов значительно более детальны и обстоятельны» [Ганичева 2019: 73]. Е. И. Спицына, рассматривая игровые традиции русского детства, отмечает, что «бытовые игры девочек отличались размеренностью, спокойным течением <...> Всякий раз в игре происходило воспроизведение тех реальных событий и ритуальных действий, которые дети подметили у взрослых» [Спицына 2018: 40]. Играя, девочка примеряет на себя роль матери: *А гожумнас бёра (строитчывисё, тыр вёи тёс) сыдзжё керимё керкуээ (шалашиээ), гётрася бытьтё эшё ‘А летом опять (раньше строились, много было досок) также делали дома (шалашики), ещё поженимся как будто’* (ПМ: д. Захарова Кудымкарского района). Игры девочек с куклами в разных культурах подробно рассмотрела А. Чёрная, указав, что «социальная репрезентация куклы как одного из древнейших иконических знаков человека занимает важное место в овладении культурными формами поведения» [Чёрная 2014: 139]. Информанты рассказывают о том, как, по сути, превращали куклу в такое же социальное существо, как они сами, обустраивали для нее жилище, наряжали: *Мийё куклаэзлё расас прямо строитамё керкуээ, сэтчин съёраным ваям быдкодё материаллээ, сэтчин жё вурамё нылё виль платтёээ, бытьтё ния эта ательеын заказывайтёны, а мийё швеезён уджаламё. Сэтён жё мёдбтам куклаэсё. Вёвлывлі сідз, что ежесли кинлёнкё кузь юрсиа кукла вёлі, решитамё мийё сылё керны виль причёска, куклаыслісь швыч-швач юрсисё орётамё, мый понда гортын навкавліс ‘Мы куклам в роце прямо построим дома, туда с собой принесём всякие материалы (ткани), там же сошьём им новые платья, словно они это в ателье заказывают, а мы швеями работаем. Тут же нарядим кукол. Бывало так, что если у кого-то кукла длинноволосая была, решим мы ей сделать новую причёску, у куклы швыч-швач волосы отпре-*

жем, за что дома попадало' (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Жизнь, приносящая радость и удовольствия, связывается в сознании детей с возможностью действовать – придумывать, творить (*новые* платья, *новая* прическа), подражать взрослыми (отсюда явно «не детское» слово *ателье*, упоминание специальности *швеи*). Подражание поведению и образу жизни взрослых представлено в контексте, описывающем популярную для детей во все времена игру в магазин: *Орсімõ ми магазиннэзõн, õктам этõ, сякõй консервнõй банкаэсõ, сякõйесõ чашкаэз, кõдõ чапкõмась, кõда оз ков, и вот ми строитам магазин бытьтõ. Миян магазин, ну орсам. Ну, миян вот игрушкаэз вõлсõ больше консервнõй банкаэз, кõдõ вот чапкалõны. Кõда некинлõ оз колõ. Õктам сякõй турунсõ, сякõйсõ керамõ, сякõй цветтэсõ придумываешь, сякõй торттэз глинась стряпайтан, пирожоккез. Быдõс кõркõ вõлõ сэттиõм играэзыс, что мый эм, мый õтõрас валяйтчõ, сийõн и орсімõ 'Играли мы в магазин, соберём это, всякие консервные банки, всякие чашки, которые выкинули, которые не нужны, и вот мы строим магазин как будто. Наши магазин, ну играем. Ну, у нас вот игрушки были больше консервные банки, которые вот бросают. Которые никому не нужны. Соберём всякую траву, всякое сделаем, всякие цветы придумываешь, всякие торты из глины стряпаешь, пирожки. Всё когда-то было такие игры, что есть, что на улице валяется, этим и играли'* (ПМ: д. Уржа Кочевского района).

Приведенный текст изобилует формами, указывающими на потребность ребенка создавать воображаемый мир: частица *словно* они это в ателье заказывают, модальная лексема *как будто бы* накрутим так, строим магазин *как будто*; глаголы придумывать 'создавать что-либо в мыслях, воображении' (всякие цветы *придумываешь*). Подчеркивается «выдуманность» мира фразой *Наши магазин, ну играем*, в которой местоимение *наши* свидетельствует об обособленности их игровой общности от взрослых.

Рассказы о летних/зимних забавах

В большинстве рассматриваемых нами рассказов развернуто и ярко представлена зима как чудесное время года с безграничными возможностями для игр. Контексты живой речи иллюстрируют мысль о том, что именно зима (мороз и снег) пробуждает в человеке природное, внутренний потенциал, детское желание рисковать и испытывать себя. Д. А. Несанелис, говоря о смысле детский игр, отметил, что «<...> именно в игровых ситуациях ребенок может испытать ощущение свободы, раскрепощенности. Только в

игре невозможное в земной жизни делается возможным...» [Несанелис 2004: 341]. Материалы воспоминаний показывают, что коми-пермяки особенно бережно хранят в памяти то, с чем связана беззаботная пора жизни. Бесценными, яркими и запечатленными в подробностях являются развернутые воспоминания о зимних играх. Погружение в прошлое превращает рассказчиков в детей, готовых искренне проявлять свои чувства – удивляться и восхищаться (эту мысль подтверждает обилие в текстах восклицательных конструкций): *Вот сяс сэттиõм лыммес абу, а миян вот эта йõрыс вõлõ вровень лымõн, даже йõрыс эз и тõдчывлы <...> <...> Знаешь, мийõ кыдз орсывлём!? Керасõ ния этõ вот снежнõй хõддэсõ, окоппесõ. Ахх! Мийõ сидз орсывлём, слушай! Этõ вообщеееее!!! Этõ вспомнить вот зимасõ! Гортõ пыран, вõвлсõ сэттиõм шаровары, чõвтан, и ния миян суаввисõ! Вот этадз сувтõтан, и ния суваõны от мороза! [9] (Вот сейчас таких снегов нет, а у нас вот это забор был вровень снегом, даже изгородь не был и виден <...> Знаешь, мы как играли!? Сделают они это вот снежные ходы, окопы. Ахх! Мы так играли, слушай! Это вообщеееее!!! Это вспомнить вот зиму! Домой зайдёшь, были такие шаровары, снимешь, и они у нас бывало, стояли! Вот так поставишь, и они стоят от мороза!).* В тексте-оригинале отмечены, кроме того, эмфатические формы (*Этõ вообщеееее!!!*), междометия (*Ахх!*), усилительные частицы (*Мийõ сидз орсывлём, слушай!* – *Мы так играли, слушай!*).

Иногда на первый план выступает не описание игры, а осмысление связанной с ней ситуации: *Мый лоас. Лыжасõ чеглалі. Логгэзõт ыскõвтам, дальше петан, опетъ логõттис му-нан вõрõ, вõрõттис му-нан, лыжня миян вõвлі. А кõр лыжа нырсõ чегõтан, дак гортын печкаын пизьõтан ва, суйыштан лыжасõ, ёсьтан этадз да и кõстан. Ремонтируйтём. Мый нõ, лыжаэс абу да, ыласямõ бы. Векнитõсь вõлсõ, а кытиõмõсь нõ вõлсõ? Сэк только вõлсõ сэттиõмõсь да. Этадз суйыштан, кõстан лыжасõ, кипятокас видзан, да и опетъ нырыс лоас этõ, вептисяс 'Что будет. Лыжу сломала. По логам катимся, дальше выйдёшь, опять по логу пойдёшь в лес, по лесу пойдёшь, там лыжня у нас была. А когда нос лыжи ломаешь, дак дома воду в печке вскипятишь, засунешь нос лыжи, заостришь так и согнёшь. Ремонтировали. Как же, лыж не было потому что, а хотели кататься. Узкие были, а какие ино были? Тогда только были такие да. Так засунешь, согнёшь лыжу, в кипятке поддержишь, да и опять нос лыжи поднимется'* (ПМ: д. Чинагорт Юсьвинского района). Реакция попавшего в сложную ситуацию подростка начинается с осознания

проблемы (что будет), далее следует последовательно изложенная программа действий (пойдёшь по логу, по лесу, дома воду в печке вскипятишь...). В оформление этой части фрагмента (от по логам <...> до согнёшь) включены глаголы второго лица будущего времени в значении первого, которые приносят в высказывание оттенок обобщенности (как в русском, так и в коми-пермяцком языке). Благодаря использованию этих форм активным участником беседы становится слушатель.

Память о лете как времени беззаботном, мечтательном, гармоничном иллюстрируется чаще всего рассказами о купании. Воспоминание о купании возвращает говорящему ощущения, позволяющие вновь испытать чувственный опыт контакта со стихией: *Речка вылын купайтчыны – этö вообще! Вот мый, мый, но, в первую очередь, ме велалі купайтчыны. Миян папö ведзчотас миянöс Лёнякöt, а этöн раньше этöыс вöвлі пыдын, вот öні сiя быдöс заросло, а раньше вöвлі öддöён бур Иньваыс! Шöрöдззас мунас, спина вылас пуксьотас. Ачыс этö керö, сынö. Потом, раз! Миянöс ведзас! И тэ, кыдз хочешь, тэ сiдз и сэтчин выплывай. Но мийö, ме шула, мийö öддöён одз пондiмö купайтчыны, кужны уявны ‘Купаться на речке – это вообще! Вот что, что, но в первую очередь я научилась купаться. Наш папа приведёт нас с Лёней, а здесь раньше было глубоко, это теперь всё заросло, а раньше была очень хорошая Иньва! До середины дойдет, на спину (нас). Сам это делает, гребёт. Потом, раз! Нас отпустит! И ты, как хочешь, ты так и там выплывай. Но мы, я говорю, мы очень рано начали купаться, уметь плавать’* (ПМ: с. Архангельское Юсьвинского района). Первое предложение показывает, как в начале рассказа говорящего захлестывают эмоции: фраза *это вообще* выражает весь спектр чувств пробующего плавать. Финал, напротив, демонстрирует сдержанность рассказчика, овладевшего навыками плавания: *Но мийö, ме шула, мийö öддöён одз пондiмö купайтчыны, кужны уявны ‘Но мы, я говорю, мы очень рано начали купаться, уметь плавать’*.

Связан с летним временем следующий рассказ, в котором представлен феномен детского созерцания – желание наблюдать за внешним миром: *Сюын валятчыны. Вот сiйö ми любитiмö. Любитiмö орсны дзевсисьмöн, этö, мунан шогдiö или зöрö, дзевсисян, а сэсся не то что кинöскö кошишан, и ачит öшан. Думайтан, кыдз бы петны эта зöрись, потому что зöрыс да мый да вöлiсö вылынöсь. Ну миян понда эд кажитчисö вылынöсь, что учöтикöсь вöлiмö ‘На складах в зерне валяться. Вот это мы любили. Любили играть в прятки. Это, идёшь на пше-*

ничное или овсяное поле, спрячешься, а потом не то что кого-то ищешь, и сам теряешься. Думаешь, как бы выйти из овса, потому что овёс да что да были высокие. Ну для нас ведь казались высокие, что маленькие мы были’ (ПМ: д. Уржа Кочевского района). Повтор глагола *любитiмö* усиливает мысль о том, что действие для его участников было не просто развлечением, а наслаждением от необычных ощущений. В повествовании рассказчик как бы переносит собеседника в прошлое или переносит прошлое в настоящее, когда использует глаголы второго лица (*мунан, дзевсисян, кошишан, öшан, думайтан*). Выраженная в последнем предложении идея о том, что в детстве окружающий мир кажется огромным, подчеркивает суперспособность детского сердца и мышления ощущать мир, познавать его в деталях, которые недоступны взрослым. Об этом же следующий рассказ: *Зэрас көр, дак эшö специально эшö зэрикас котрасьвим нятьöттяс. Котöртан, дак нятьыс юр вевдöрöть резсьö ‘Когда пройдет дождь, дак ещё специально во время дождя бегали по грязи. Бежишь, дак грязь выше головы летит’* (ПМ: д. Уржа Кочевского района). Любимое у всех детей бегание по лужам и по грязи – простейший способ познания природы, возможность пережить новые ощущения, удивление и радость свободы.

Е. С. Данилко, рассуждая об исторической памяти коми-пермяков (зюздинских и язвинских), отмечает: «Глубина реальной исторической памяти <...> распространяется на время жизни нескольких поколений и передается устным путем в рамках отдельной семьи или общины», и «чем более ранний слой локальной истории представлен в нарративах, тем больше оснований говорить скорее о ее символической реконструкции, а не хронологической последовательности» [Данилко 2007].

Заключение

Воспоминания о детстве, эмоционально наполненных событиях начала жизни строятся не как сюжетный, линейно построенный рассказ, а воспроизводят калейдоскоп запомнившихся с детства картин. В них выражена потребность в «выговаривании», в привлечении «другого» в свою мыслительную деятельность и сферу ощущений, эмоциональная и вербальная связь с собеседником. Этой цели в живой устной речи служат восклицания в повествовании, репрезентация удивления и восторга в речи, экспрессивный синтаксис, образные средства языка. Часто встречающееся в воспоминаниях противопоставление временных пластов подчеркивает невозвратимость прошлого, щемящую ностальгию и

вместе с тем осознание себя в прошлом счастливым, что позволяет вернуть позитивные эмоции в нынешнюю жизнь.

Примечание

¹В статье представлены фрагменты буквального перевода коми-пермяцкой речи и несколько контекстов, записанных от коми-пермячки на русском языке. Автор благодарит студентов коми-пермяцко-русского отделения Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Е. С. Бочкареву, О. А. Караваеву, С. А. Крохалеву, В. В. Никонову, Е. А. Пикулеву, К. О. Савельеву, А. Е. Салтанову, А. М. Мужикову) за сбор и расшифровку языкового материала, а также доцента кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков А. С. Лобанову за помощь в оформлении текстов (оригиналов и переводов).

Источники

БСРП – Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. 2007. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/25955/Пятое> (дата обращения: 11.01.25).

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://gufo.me/dict/dal/курмыш> (дата обращения: 16.01.25).

Мурзаев – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.

ПМ – полевые материалы, записанные в Кудымкарском, Кочевском, Юсьвинском районах Коми-Пермяцкого округа).

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып.1 (А–Н). Пермь, 2000; Словарь пермских говоров. Вып. 2 (О–Я). Пермь, 2002. 576 с.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1. Пермь: ПГПУ, 2010. 456 с.

Трубе – Трубе Л. Л. Достопримечательные географические названия земли Нижегородской. М., 2001. 87 с.

Юсьва – лебединая река: сб. тр. и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района. Усолье, 2015. 450 с.

Список литературы

Волошина С. В. Воспоминания о родителях в структуре автобиографических рассказов сибиряков // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Орёл, 2020. С. 223–228.

Волошина С. В., Демешкина Т. А. Воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа (на материале речи жите-

лей сибирских сёл) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 13–22. doi 10.17223/15617793/464/2

Ганичева С. А. Воспоминания брата и сестры о деревенском детстве: лингвогендерологический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5. С. 67–78. doi 10.23859/1994-0637-2019-5-92-5

Голева Т. Г. Образы коня, быка и коровы в представлениях коми-пермяков // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. 5. Пермь, 2009. С. 204–210.

Данилко Е. С. Историческая память в устных преданиях зюздинских и язвинских коми-пермяков // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 1–13. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/Statji/Danilko.pdf> (дата обращения: 12.01.25).

Драчева Ю. Н., Комиссарова Т. Г. «Мир детства» в записях устной речи жителей Вологодского края (на материале электронного корпуса региональных текстов «Жизненный круг») // Севернорусские говоры. 2017. Вып. 16. С. 247–261.

Кормазина О. П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 26 с.

Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра рассказ-воспоминание // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 4(28). С. 66–72.

Несанелис Д. А. Детские игры коми // Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. 2-е изд., испр. и доп. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 2004. С. 341–348.

Самойленко Т. В., Лагута Н. В. Жанр «воспоминание» в речи диалектной личности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 54. С. 126–132.

Спицына Е. И. Игровые традиции русского детства // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 1(68). С. 38–41.

Чагин Г. Н. Экологические традиции коми-пермяков в XIX – начале XX вв. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С. 85–87.

Черная А. Игры девочек с куклами и кукольными домиками в разных культурах // Развитие личности. 2014. № 3. С. 121–142.

Черная А. Феноменология традиций игровой культуры: опыт историко-генетического исследования // Развитие личности. 2011. № 3. С. 132–154.

References

Voloshina S. V. Vospominaniya o roditelyakh v strukture avtobiograficheskikh rasskazov sibiriyakov [Memories about parents in the structure of Siberian

autobiographic stories]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: Izuchenie i Obuchenie* [Language. Culture. Communication: Study and Education: Proceedings of IV International Scientific and Practical Conference]. Oryol, 2020, pp. 223-228. (In Russ.)

Voloshina S. V., Demeshkina T. A. Vospominaniya o dedushkakh i babushkakh v strukture avtobiograficheskogo rasskaza (na materiale rechi zhitel'ey sibirskikh sel) [Memories about grandparents in the structure of an autobiographical story (on the material of Siberian villagers' speech)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2021, issue 464, pp. 13-22. doi 10.17223/15617793/464/2. (In Russ.)

Ganicheva S. A. Vospominaniya brata i sestry o derevenskom detstve: lingvogenderologicheskii aspekt [Brother and sister's memories about village childhood: The linguogenderological aspect]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 2019, issue 5, pp. 67-78. doi 10.23859/1994-0637-2019-5-92-5. (In Russ.)

Goleva T. G. Obrazy konya, byka i korovy v predstavleniyakh komi-permyakov [The images of the horse, ox and cow in Komi-Permyak worldview]. *Trudy Kamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [The Works of the Kama Archaeological Expedition]. Perm, 2009, issue 5, pp. 204-210. (In Russ.)

Danilko E. S. Istoricheskaya pamyat' v ustnykh predaniyakh zyuzdinskikh i yaz'vinskikh komi-permyakov [Historical memory in oral tales of Zyuzda and Yazva Komi-Permyaks]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2007, issue 2, pp. 1-13. Available at: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/Statji/Danilko.pdf> (accessed 12 Jan 2025). (In Russ.)

Dracheva Yu. N., Komissarova T. G. 'Mir detstva' v zapisyakh ustnoy rechi zhitel'ey Vologodskogo kraya (na materiale elektronnoho korpusa regional'nykh tekstov 'Zhiznennyi krug') ['The world of childhood' in the records of oral speech of the residents of Volgograd Krai (based on the materials of the electronic corpus of regional texts 'The life circle')]. *Severnorrusskie govory* [Subdialects of the Russian North], 2017, issue 16, pp. 247-261. (In Russ.)

Kormazina O. P. *Vospominanie kak zhanr razgovornoy rechi (na materiale rechi dal'nevostochnikov)* [Reminiscence as a genre of colloquial speech (on the materials of speech of the Far East residents). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2016. 26 p. (In Russ.)

Myznikova Ya. V. Kommunikativnye osobennosti dialektного rechevogo zhanra 'rasskaz-vospominanie' [Communicative specificities of dialect speech genre of reminiscence story]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2014, issue 4 (28), pp. 66-72. (In Russ.)

Nesanelis D. A. Detskie igry komi [Komi children games]. *Zyryanskiy mir. Ocherki o traditsionnoy kul'ture komi naroda* [The Zyryan World. Essays on the Traditional Culture of the Komi people]. 2nd ed. Syktyvkar, Komi Publ., 2004, pp. 341-348. (In Russ.)

Samoylenko T. V., Laguta N. V. Zhanr 'vospominanie' v rechi dialektnoy lichnosti [The genre of 'recollections' in the speech of a dialect personality]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Amur State University Herald. Humanities], 2011, issue 54, pp. 126-132. (In Russ.)

Spitsyna E. I. Igrovyie traditsii russkogo detstva [Game traditions of Russian childhood]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Studies of Russian South], 2018, issue 1 (68), pp. 38-41. (In Russ.)

Chagin G. N. Ekologicheskie traditsii komi-permyakov v XIX – nachale XX vv. [Ecological traditions of Komi-Permyaks in the 19th – at the beginning of the 20th century]. *Komi-permyaki i finno-ugorskiy mir* [Komi-Permyaks and Finno-Ugric World]. Syktyvkar, 1995, pp. 85-87. (In Russ.)

Chernaya A. Igry devochek s kuklami i kukol'nymi domikami v raznykh kul'turakh [Girls' games with dolls and dollhouses in different cultures]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality], 2014, issue 3, pp. 121-142. (In Russ.)

Chernaya A. Fenomenologiya traditsiy igrovoy kul'tury: opyt istoriko-geneticheskogo issledovaniya [Phenomenology of traditions of game culture: The experience of historical and genetic research]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality], 2011, issue 3, pp. 132-154. (In Russ.)

Linguistic Means Used in Recollections of Childhood (the Case of Oral Narratives Told by Komi-Permyaks)

*The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation,
project No. SF 24-18-20015 'The Komi-Permyaks in the Language and Ethnocultural Context'*

Ekaterina N. Svalova

Senior Researcher at the Institute for Humanities Research

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

13a, Lenina st., Perm, 614000, Russia. svalova87@mail.ru

SPIN-code: 6094-4184

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8181-808X>

Submitted 25 Mar 2025

Revised 22 Apr 2025

Accepted 12 Aug 2025

For citation

Svalova E. N. Yazykovye sredstva oformleniya tekstov-vospominaniy o detstve (na materiale ustnykh rasskazov komi-permyakov) [Linguistic Means Used in Recollections of Childhood (the Case of Oral Narratives Told by Komi-Permyaks)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 4, pp. 91–99. doi 10.17072/2073-6681-2025-4-91-99. EDN MQVEBP (In Russ.)

Abstract. The article explores how the theme of children's games is presented in recollections of Komi-Permyaks. It shows how the informants use the traditional means of the genre (authorization, orientation toward authenticity of what is told, the juxtaposition of time layers, visualization) as linguistic markers of such stories. Game activities dominate in childhood, they form our personality, that is why recollections of them are extended, semantically deep, their style is expressive, the words and structures are semantically and psychologically loaded. Such narratives not only contain vivid pictures of the past but also reflect the narrator's emotional immersion into his/her own inner world. The paper describes the means used to express feelings and make an interlocutor empathize (repetitions, rhetoric questions, contact words, emphasis on certain fragments, stylistic means, and phraseology). Recollections of childhood games reveal a specific sensual world of children and show us how a child gradually becomes involved into the adult world through games. The narrator's desire to convey in details the excitement experienced in his/her distant past is manifested in the active use of verbs in the present tense, these producing the effect of presence, in the use of exclamations, interjections, and onomatopoeic words. Komi-Permyaks' recollections of their childhood are characterized by a specific quality, expressed by different means: they are closely connected with the perception of nature and its energy. This is the reflection of one of the main features characterizing the Komi people's worldview – the principle of nature conformity and naturalness (they are naïve and most sincere in communication with nature). Special attitude to nature, the naturalness of emotions and behavior are important elements of the Komi-Permyak national character, vividly manifested in recollections of childhood.

Key words: genre of recollections; linguistic markers of the genre; semantic dominant; means of visualization.